

Анна Гумерова

РОЛЬ ВСТАВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В РОМАНЕ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Статья посвящена одному из приемов создания «эффекта глубины» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» (1954–1955). В частности, этой цели служат так называемые вставные тексты. В статье анализируется вставной текст из второй главы «Пролога» — «Herblore of Shire» («Предание о травах Шира»), рассматривается его встроенность в основной сюжет романа, раскрываются переключки между основным текстом и другими вставным фрагментами, а также роль персонажа Мериадока как одного из вторичных нарраторов. Роман «Властелин колец» насыщен вставными произведениями различных жанров, и «Травник Шира» — только один из таких фрагментов, однако и на его примере можно видеть, что вставные произведения в романе появляются не изолированно и однократно, а функционируют в качестве цитаты, связывающей различные эпизоды романа, в том числе группируя их вокруг образа вторичного нарратора. Судя по творческой позиции Толкина, многократно выраженной в его письмах, писатель тщательно обдумывал способы вовлечения читателя в свой фантастический мир, поэтому важно говорить о сюжетных и композиционных приемах романа, при помощи которых воплощалась эта задача.

Ключевые слова: Дж. Р. Р. Толкин, «Властелин колец», композиция, вставной текст, эффект глубины, отсылка, вторичный нарратор.

Роман Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец», написанный в середине прошлого века, считается одним из произведений, сформировавших жанр фэнтези. Яркой чертой творческой манеры Толкина

Анна Леонидовна Гумерова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Москва

gratia4@yandex.ru

можно назвать то, что Т. Шиппи в монографии «Дорога в Средьземелье», определяет как создание «эффекта глубины» текста [Шиппи 2003, 513]. Сам Толкин в письме от 20 сентября 1963 г.¹, на которое ссылается Шиппи, характеризует этот художественный прием так: «Притягательность „В. К.“, как мне кажется, отчасти заключается в намеках и отсылках на более обширную историю на заднем плане» [Толкин 2004, 377]. Здесь можно вспомнить и хрестоматийное письмо Толкина, написанное более чем десятью годами раньше, в 1951 г., где он рассуждает о своих намерениях дать «одни легенды... полностью, но многие... только схематически, как часть общего замысла», оставляя «место для других умов и рук» [Толкин 2004, 167]. Как мы видим, «намек и отсылки на более обширную историю» были значимой для Толкина идеей, о которой он думал на протяжении многих лет применительно и к своему легендарному в целом, и к «Властелину колец» в частности. Этот замысел Толкин пробовал воплотить в романе разными способами, среди которых одним из наиболее заметных стало использование вставных произведений различных жанров: летописей, хроник, песен, фрагментов из песен², легенд и др. Как известно, Дж. Р. Р. Толкин был филологом и изучал историю английской литературы, в том числе переключки и внутренние рифмы произведений, написанных на древнеанглийском и староанглийском языках, кроме того, произведения, существующие фрагментарно или известные только по упоминаниям и намекам (в частности, об этом Толкин говорит в статье «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь»: «Поэма принадлежит к той разновидности литературы, что уходит корнями в глубокое прошлое... она создана из историй, что часто рассказывались раньше и в иных краях, из элементов, заимствованных из давних времен» [Толкин 2018, 102]). Поэтому для него существование в описываемом мире литературы различных жанров — объективная и значимая часть мира, а образ персонажа — сочинителя, повествователя, собирателя чужих историй — один из наиболее значимых и ярких³.

В статье «Инстанция нарратора в текстах толкиновского легендарума» В. Б. Браун замечает:

Толкин представляет читателю целую череду фиктивных нарраторов самого разного плана — это и эльфийские мудрецы, и люди, и даже хоббит-садовник, так же как нашему вниманию представлены вымышленные рукописи и книги, якобы существующие во вторичном мире. <...> Интересен в этом плане тот момент, что практически все значимые положительные персонажи у Толкина являются рассказчиками.

Их мелкие нарративы вплетаются в общую историю — будь то истории, основанные на «личном опыте», или зачитываемые наизусть стихотворения, сочиненные кем-то другим. Это сложное устройство нарратива, состоящего из все более и более мелких нарративов... придает «Властелину колец» редкую глубину и многомерность [Браун 2012].

Роман «Властелин колец» открывается прологом, состоящим из четырех частей: «Concerning Hobbits», «Concerning Pipe-weed», «Of the Ordering of the Shire», «Of the Finding of the Ring». Первая фраза пролога — «Эта книга в основном посвящена хоббитам, и на этих страницах читатель может найти многое про их обычаи и немного про историю» [Tolkien 2005, 1]⁴. Поскольку этими словами открывается весь роман, то и указание на «книгу», и указание на «эти страницы» может относиться как ко всему роману, так и только к Прологу или же его первой части, учитывая слово *concerning* в названиях частей пролога и *concerned* в первой фразе.

Следующий фрагмент: «Дальнейшие сведения можно найти еще и в отрывке из Алой Книги Западных земель, который уже был опубликован под названием „Хоббит“. Эта история извлечена из первых глав „Алой Книги“, сочиненной самим Бильбо... и названа им „Туда и Обратно“, потому что там говорится о его путешествии на Восток и возвращении»⁵ — выглядит на первый взгляд довольно естественными и даже банальными: казалось бы, здесь Толкин использует прием, характерный для продолжений уже известных книг, отсылая читателя к «Хоббиту», детской сказке, написанной им в 1937 г. Но тут же читатель узнает, что под названием «Хоббит» опубликован пересказ «начальных глав Алой Книги Запада», которые «сочинил сам Бильбо» — очевидно, что никакой «Алой Книги Запада» читатель не знает, но узнает, что она гораздо больше, чем «Хоббит», прочитанный им — появляется намек на существование большого и значимого произведения. Таким образом, с самого начала читателю задается значимая для Толкина рамка литературной игры — переплетаются события нашей реальности, в которой уже написана, издана и, возможно, прочитана сказка «Хоббит», сюжетно предшествующая «Властелину колец», и вымышленный мир Средиземья, в котором, оказывается, существует «Алая Книга Запада», некая летопись, автором которой является Бильбо, главный персонаж сказки «Хоббит». Разумеется, учитывая время жизни и творчества Толкина, в этом можно было бы увидеть постмодернистскую игру, своеобразную матрешку, усложненную структуру «произведения в произведении» (в тексте Толкина по-

является вымышленный персонаж, который написал книгу, послужившую основой для Толкина), а учитывая более ранние традиции фантастической литературы (как, например, «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого, открывающаяся фикциональным предисловием человека, нашедшего рукопись и впоследствии записавшего перевод) — частично и прием «найденной рукописи»⁶.

В уже цитированной статье «Инстанция нарратора в текстах толкиновского легендариума» В. Браун указывает, что, в отличие от текста «Хоббита», во «Властелине колец» нет обращений к читателю:

Нарратор в «Хоббите» знает, чем кончится его рассказ, имеет определенные симпатии в отношении персонажей, а главное — может обращаться к читателям «напрямую» <...>. Чем ближе к концу повествования, тем меньше мы видим подобных «обращений», а во «Властелине Колец» их нет вовсе [Браун 2012].

Однако в приведенной мною цитате из «Пролога» можно видеть единственный случай, когда во «Властелине колец» такое обращение все-таки появляется — при этом в контексте отсылки к сказке «Хоббит».

Одну из глав «Пролога» стоит рассмотреть подробно, чтобы продемонстрировать, как Толкин создает эффект глубины мира с помощью внутренних переплетений различных эпизодов. Первая, третья и четвертая главы «Пролога» называются соответственно: «Concerning Hobbits», «Of the Ordering of the Shire», «Of the Finding of the Ring». Эти части, даже если судить только по названиям, необходимы для понимания дальнейшего сюжета романа. Но вторая главка называется совсем неожиданно — «Concerning Pipe-weed» и почти полностью представляет собой повествование от лица вторичного нарратора — один из будущих спутников главного героя рассказывает о том, как хоббиты научились выращивать табак. Причем о том, что этот персонаж станет спутником главного героя, читателю станет известно очень нескоро, только в пятой главе основного текста романа. Вводная рамка для этого вставного повествования дается такая: «Все, что было известно об этом с древности, собрал воедино Мериадок Брендибак (позднее Хозяин Бакланда), и поскольку он и табак Южной Четверти играют роль в нижеследующей истории, здесь будет процитировано его примечание к предисловию к „Преданию о травах Шира“»⁷. Опять-таки, при первом появлении этого персонажа читатель уже знает, что

тот станет «Хозяином Бакланда», — так создается глубина мира, направленная не в прошлое, а в будущее.

Сразу возникает вопрос — зачем эта глава нужна, почему она помещена именно здесь, а не, допустим, в «Приложениях» — к тому же вторичным нарратором выбран определенный персонаж, Мериадок, чье будущее автор считает нужным упомянуть. Надо отметить, что нельзя не брать в расчет то, что такое композиционное решение может быть и случайностью, однако это было бы верно только в том случае, если бы в дальнейшем тексте этот эпизод никаким образом не функционировал. Между тем к этому эпизоду появляется значительное количество сюжетных рифм. Табак из Южной Четверти, о котором здесь говорится, действительно задействован в сюжете — благодаря ему обнаруживается связь Ширы и Сарумана, мага, изначально стоявшего на стороне Добра, но оказавшегося предателем. Однако и для композиции романа мотив трубочного зелья играет важную роль. Второй абзац цитаты из «Травника» в оригинале начинается такими словами: «Но все источники сходятся на том, что *Тобольд Хорнблауэр из Лонгботтомов из Южной Четверти первым вырастил трубочное зелье в своем саду во время правления Изенгрима Второго, приблизительно в 1070 году по календарю Ширы.* <...> *Как старый Тоби нашел это растение, не записано*» (курсив мой — А. Г.)⁸.

Во второй книге романа, в главе «The Road to Isengard» несколько персонажей, в том числе и Мериадок, встречаются после разлуки и пережитых опасностей на развалинах Изенгарда, крепости Сарумана, о чьем предательстве уже известно. Характерно, что именно Мериадок, обращаясь к правителю Рохана Теодену, рассказывает в том числе и об искусстве курения табака:

— Это не удивительно, — ответил Мерри, — потому что этому искусству мы научились всего несколько поколений назад. *Это Тобольд Хорнблауэр, из Лонгботтомов из Южной Четверти первым вырастил настоящее трубочное зелье в своем саду, примерно в 1070 году по нашему счету. Как старый Тоби нашел это растение...* (курсив мой — А. Г.)

— Ты не понимаешь опасности, Теоден, — перебил Гэндальф⁹.

Как можно заметить, Мерри почти дословно цитирует слова из «Предания о травах», которые уже появлялись в «Прологе» с указанием на его авторство, с логичным изменением — «В 1070 году по календарю Ширы» преобразуется в «в 1070 году по нашему календарю», и в рассказе Теодену отсутствует указание на правителя Ширы в то время. Или же — если следовать логике повествова-

ния — Мерри впоследствии запишет то, что он рассказал Теодену, и постарается повторить свой рассказ по возможности дословно. Продолжается рассказ словами «Как старый Тоби нашел это растение...», которые тоже есть в «Прологе». Но слова «не записано» он не произносит — его перебивает Гэндальф, не позволяя дальше рассказывать. Интересно, что фраза выглядит так, как будто Мерри собирается рассказывать о том, как «старина Тоби нашел эту травку», а Гэндальф его останавливает. Впрочем, читатель уже помнит, что именно эта же фраза в Прологе продолжалась как «не записано». Перед нами своего рода авторская шутка — фраза была «не записана» в Прологе, и оказалось «не произнесена» в повествовании — поскольку рассказчика перебили. Тем не менее эти два эпизода оказываются скреплены. О цитатах такого рода говорит В. Шмид: «Повествуемое в речи вторичного нарратора образует мир, который я предлагаю назвать цитируемый мир, так как эта речь фигурирует как цитата в речи первичного нарратора» [Шмид 2003, 46].

В третий раз отсылка к «Преданию о травах» появляется в главе «The Battle of the Pelennor Fields», в трагическом и эмоционально насыщенном эпизоде — смерть Теодена на поле боя и его прощание с Мерри:

Старый король улыбнулся <...>. Живи же счастливо; и когда ты сядешь спокойно с трубкой, думай обо мне! Потому что никогда не сяду я с тобой в Медусельде, как я обещал, и не услышу твоего *предания о травах* (курсив мой — А. Г.)¹⁰.

Книгу с названием «Предание о травах Шира» Мерри напишет позже этого эпизода. Заметим, что внутренняя цитата развивается по обратной сюжету логике: в «Прологе» сперва появляется само «Предание о травах», в VIII главе второй части (что соответствует середине романа) Мерри начинает рассказывать Теодену о том, как был найден табак, и его рассказ похож на цитату из «Пролога», в VI главе третьей части Теоден перед смертью жалеет, что не услышал «предания о травах» целиком, и просит Мерри: «...когда ты сядешь спокойно с трубкой, думай обо мне». По логике повествования, очевидно, было наоборот — записывая текст «Предания о травах», Мериадок выполнил желание своего сюзерена, почти дословно процитировав начало их беседы «о травах».

Тема связи трубочного зелья и Сарумана обнаруживается в главе «Many Parting», где присутствует в том числе и Мерри: герои

встречают Сарумана в виде старого нищего, и он просит у них табак:

— Не угостите трубочкой нищего? <...>

— Угощу, если у меня осталось, — сказал Мерри, — погоди немного.

Он нагнулся и порылся в седельной сумке и протянул Саруману кожаный кисет.

— Возьми все, на здоровье, это из разрушенного Изенгарда¹¹.

В дальнейшем от этого эпизода прослеживается сюжетная линия к главе «Осквернение Ши́ра», где и становится окончательно известно о роли, которую Саруман сыграл в судьбе Ши́ра. Но этот эпизод интересен тем, что в нём еще раз появляется пример нарратива, вплетающегося в общую историю. Чуть раньше в этом же диалоге Саруман говорит с насмешкой: «What ship would bear you back across so wide a Sea?» — и сам же отвечает на этот вопрос: «It will be a grey ship, and full of ghosts» [Tolkien 2005, 983]. Первая строчка буквально повторяет последнюю строчку песни Галадриэли из главы «Farewell to Lothlorien», с заменой *me* на *you*: «What ship would bear me ever back across so wide a Sea?» [Ibid. 373], а «серый корабль» отсылает к песне Леголаса из главы «The Field of Cormallen»: «Grey ship, grey ship, do you hear them calling, the voices of my people that have gone before me» [Ibid. 956]

Последняя отсылка к «Преданию о травах» появляется в Приложениях к «Властелину Колец», в хронологии событий после романной истории — через десять лет после окончания действия романа «Мериадок, прозванный Великолепным, стал Хозяином Бакланда»¹². Тем самым биография одного из второстепенных персонажей прослеживается на протяжении всего романа — от Пролога до Приложений.

Мы видим, как достаточно случайный, казалось бы, мотив «трубочного зелья» проходит нитью через весь сюжет романа от начала до самого конца, создавая сюжетные рифмы и связывая воедино разные эпизоды. Замечу, что по воле автора остается неизвестным, собственно, «как старый Тоби набрел на это растение».

Как можно судить по черновым записям Дж. Р. Р. Толкина, собранным и прокомментированным Кристофером Толкином в сборнике «Неоконченные предания Нуменора и Средиземья» под названием «Охота за Кольцом», Толкин действительно обдумывал тему курения в соотношении с темой Колец:

Еще одна папка с бумагами того же периода состоит из большого количества неоконченных рассказов о былых сношениях Сарумана с Широм, особенно по поводу «полуросликовского листа» «... Гэндальф не рассмеялся на этот раз; и не ответил, но, пристально глядя в глаза Саруману, он затянулся и выпустил из своей трубки одно большое кольцо и множество колечек поменьше. Затем он поднял руку, словно чтобы схватить их, и кольца исчезли. С этим Гэндальф встал и ничего больше не сказал Саруману; Саруман же еще долго стоял, помрачнев от неудовольствия и подозрений» Эта история повторяется еще в полудюжине других рукописей [Tolkien 1988, 367]¹³.

На это указывается и в любительской работе авторов, пишущих под псевдонимами «С. М. Печкин» и «А. Т. Шельен», «Хоббиты и психоактивные вещества: Находки, анализ, проблемы, выводы» [Печкин, Шельен 1996]. Замечу, что, несмотря на провокационное название публикации, в ней можно видеть характерную для любительской толкинистики черту — внимательное отношение не только к изданным произведениям Толкина, но и к его черновикам. В предисловии 1992 г. ко второму изданию «Дороги в Средьземелье» Томас Шиппи пишет:

За те десять лет, что истекли со времени выхода в свет первого издания «Дороги в Средьземелье», в свет вышло целых девять томов¹⁴ ранее неопубликованных толкиновских текстов, среди которых есть и отрывки, и самостоятельные произведения... <...> В предыдущем издании, говоря об аллегоричности «Листа кисти Ниггля», мне не следовало называть «Властелина Колец» «Деревом» Толкина, поскольку выяснилось, что на самом деле его «собственное Дерево» было куда более ветвистым [Шиппи 2003, 14–15].

Итак, роман «Властелин Колец» почти полностью построен не только на отсылках к древнеанглийским и среднеанглийским произведениям, другим произведениям того же периода, к произведениям более позднего времени, к Евангелию, к богословским трактатам, к разного рода религиозно-философским произведениям, современным Толкину и т. д., о чем уже существует ряд исследований и комментариев, но и на внутренних цитатах, игре с авторством персонажей, композиционных переплетениях и т. д. Если отсылки к реально существующим произведениям читатель может и не распознать, не будучи с ними знаком, то эффект глубины, создаваемый с помощью вставных текстов и вторичных нарраторов, может восприниматься читателем с любым уровнем подготовки. Для исследований творчества Толкина, в том числе

любительских, особенно характерно стремление к подробному и внимательному изучению описанного им мира; очевидно, указывая на «намеки и отсылки на заднем плане романа» как на то, в чем состоит особая притягательность романа «Властелин колец», Толкин достаточно точно определил будущую читательскую рецепцию «Властелина колец».

Примечания

- ¹ Письмо к полковнику Уорскетту.
- ² О стихах в романе «Властелин Колец» существует ряд работ, из недавних можно назвать, например, работу А. Маркина и Е. Хорьковой «Стихи в трилогии Дж. Р. Р. Толкина „Властелин колец“: историческая поэтика и поэтическая история» [Маркин, Хорькова 2020].
- ³ Схожим образом, например, у К. С. Льюиса главным героем цикла «Космическая трилогия» (1938–1946) становится ученый-лингвист Рэнсом, а в романе «Пока мы лиц не обрели» (1956) повествование представляет собой пересказ книги, написанной главной героиней.
- ⁴ Для удобства чтения развернутые цитаты даны в моем подстрочном переводе, оригинал приведен в сноске. Далее страницы по данному источнику указываются в сносках в квадратных скобках после цитаты — А. Г. «This book is largely concerned with Hobbits, and from its pages a reader may discover much of their character and a little of their history» [Tolkien 2005, 1].
- ⁵ “Further information will also be found in the selection from the Red Book of Westmarch that has already been published, under the title of *The Hobbit*. That story was derived from the earlier chapters of the Red Book, composed by Bilbo himself... and called by him *There and Back Again*, since they told of his journey into the East and his return” [Tolkien 2005, 1].
- ⁶ Подробный анализ «Пролога» в контексте метаповествования у Толкина можно видеть в статье В. Б. Браун «Элементы метаповествования во „Властелине колец“ Дж. Толкина» [Браун 2017, 167–168].
- ⁷ “All that could be discovered about it in antiquity was put together by Meriadoc Brandybuck (later Master of Buckland), and since he and the tobacco of the Southfarthing play a part in the history that follows, his remarks in the introduction to his *Herblore of the Shire* may be quoted” [Tolkien 2005, 8].
- ⁸ But all accounts agree that Tobold Hornblower of Longbottom in the Southfarthing first grew the true pipe-weed in his gardens in the days of Isengrim the Second, about the year 1070 of Shire-reckoning. The best home-grown still comes from that district, especially the varieties now known as Longbottom Leaf, Old Toby, and Southern Star. How Old Toby came by the plant is not recorded [Tolkien 2005, 8].

- ⁹ “That is not surprising,” answered Merry; “for it is an art which we have not practised for more than a few generations. It was Tobold Hornblower, of Longbottom in the Southfarthing, who first grew the true pipe-weed in his gardens, about the year 1070 according to our reckoning. How old Toby came by the plant...” “You do not know your danger, Théoden,” interrupted Gandalf [Tolkien 2005, 558].
- ¹⁰ “The old king smiled. <...> Live now in blessedness; and when you sit in peace with your pipe, think of me! For never now shall I sit with you in Meduseld, as I promised, or listen to your herb-lore” [Tolkien 2005, 842–843].
- ¹¹ “You would not give a pipeful to a beggar, would you? <...> You can have what I have got left,” said Merry, “if you will wait a moment”. He got down and searched in the bag at his saddle. Then he handed to Saruman a leather pouch. “Take what there is,” he said. “You are welcome to it; it came from the flotsam of Isengard” [Tolkien 2005, 984].
- ¹² «Meriadoc, called the Magnificent, becomes Master of Buckland» [Tolkien 2005, 1097].
- ¹³ Перевод с англ. С. М. Печкина.
- ¹⁴ На настоящий момент вышло 12 томов собрания «Истории Средиземья» и предваряющий его том «Неоконченных сказаний Нуменора и Средиземья».

Литература

Источники

Толкин 2004 — Толкин Дж. Р. Р. Письма / пер. с англ. С. Лихачевой под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой. М.: Эксмо, 2004.

Толкин 2018 — Толкин Дж. Р. Р. Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / пер. с англ. С. Лихачевой // Чудовища и критики и другие статьи. М.: АСТ, 2018. С. 102–150.

Tolkien 1988 — Tolkien J. R. R. Unfinished Tales of Númenor and Middle-earth. New York: Ballantine Books, 1988.

Tolkien 2005 — Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. London: HarperCollins Publishers, 2005.

Исследования

Браун 2012 — Браун В. Б. Инстанция нарратора в текстах толкиновского легендарiums // Гуманитарные научные исследования: [Электронный ресурс]. 2012. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2012/08/1585>.

Браун 2017 — Браун В. Б. Элементы метаповествования во «Властелине колец» Дж. Толкина // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 162–170. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.201.

Маркин, Хорькова 2020 — Маркин А. В., Хорькова Е. В. Стихи в трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»: историческая поэтика и поэтическая история // Известия Уральского Федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 2 (197). С. 89–99.

Печкин, Шельен 1996 — Печкин С. М., Шельен А. Т. Хоббиты и психоактивные вещества: находки, анализ, проблемы, выводы // Цветущий Валидол: [сайт]. 1996. URL: <http://pechkin.rinet.ru/x/jrrt/seminar3.html>.

Шиппи 2003 — Шиппи Т. Дорога в Средьземелье / пер. с англ. М. Каменкович. СПб., М.: Лимбус Пресс, 2003.

Шмид 2003 — Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References

Braun 2012 — Braun, V. B. (2012). Instancija narratora v tekstah tolkinovskogo legendariuma [Instance of narrator in Tolkien's Legendarium texts]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya, 8. Retrieved from: <http://human.snauka.ru/2012/08/1585>.

Braun 2017 — Braun, V. B. (2012). Jelementy metapovestvovanija vo “Vlasteline kolec” Dzh. Tolkina [Elements of Metafiction in J. R. R. Tolkien's “The Lord of the Rings”]. Vestnik SPbSU. Jazyk i literature, 14 (2), 162–170. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.201.

Markin 2020 — Markin, A. V., Hor'kova, E. V. (2020). Stihi v trilogii Dzh. R. R. Tolkina “Vlastelin kolec”: istoricheskaja pojetika i pojeticheskaja istorija [Poems in Tolkien's trilogy “The Lord of the Rings”: historical poetic and poetical history]. Izvestija Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Serija 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury, 26, 2 (197), 89–99.

Pechkin, Shel'en 1996 — Pechkin, S. M., Shel'en, A. T. (1996). Hobbity i psihoaktivnye veshhestva: Nahodki, analiz, problemy, vyvody [Hobbits and Psychoactive Substances: Discoveries, Analysis, Problems, Conclusions]. In Tsvetushchij Validol: [web-site]. Retrieved from: <http://pechkin.rinet.ru/x/jrrt/seminar3.html>.

Shippey 2003 — Shippey, T. (2003). Doroga v Sred'zemel'e [The Road to Middle-Earth] Saint-Petersburg, Moscow: Limbus Press.

Shmid 2003 — Shmid, V. (2003). Narratologija [Narratology]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Anna Gumerova

Institute of the World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-9795-0974

ROLE OF INSERT TEXTS IN J. R. R. TOLKIEN'S NOVEL "THE LORD OF THE RINGS"

This paper examines one of the literary techniques in J. R. R. Tolkien's novel *The Lord of the Rings* that creates "the depth effect": texts' insertion. The article's author analyzes an insert text from the second part of the prologue ("The Herblore of the Shire") and its integration in the main plot of the novel, and also looks into interchanges between the main text and insert ones, and Meriadoc's role as one of the secondary narrators. *The Lord of the Rings* is full of insert texts of various genres and "The Herblore of the Shire" is merely one of them, but it shows that such texts are not isolated and not limited to single occasions. Throughout the novel they serve as quotations that link different plot episodes and organize them around the image of the secondary narrator. According to Tolkien's creative position that he repeatedly stated in his letters, we can say that he carefully contemplated the ways of involving his reader in his fantastic world; that is why it is important to describe narrative and compositional techniques of the novel that served the author's purpose.

Keywords: Tolkien, «The Lord of the Rings», composition, inset text, the impression of depth, allusion, secondary narrator